Леля Фольшина
Пятое время года
16+

Лёля Фольшина

Пятое время года. Книга первая

Серия «Любовь в зеркале истории», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66208908
SelfPub; 2022

Аннотация

Книга входит в авторскую серию "Любовь в зеркале истории"Легкая и затягивающая проза «Пятого времени года» продолжает роман «Я к Вам пишу…». Тонкое кружево судеб дворянских семей первых нескольких лет XX века – Беклемишевых, Чернышевых, Закревских и Аристовых теперь плетут потомки Романа и Варвары. Нежные надежды первой любви, ароматы весны, сквозняки старых усадеб, Рождественские гуляния и непростые решения, которые любому человеку когда-то приходится принимать в жизни… Что вынесет из этого читатель? Многое, но ощущение легкости, надежды и светлой радости – непременно.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 69

Лёля Фольшина
Пятое время года.
Книга первая

То пятое время года,
Только его славословь,
Дыши последней свободой,
Оттого, что это – любовь…
Анна Ахматова

Книга первая. В шумном платье муаровом… 1902–1903

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево…
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена –
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.
Игорь Северянин

Некоторые персонажи 1-й книги

Аристовы

Княжна Гликерия Александровна, 1885 года рождения

Ее отец, князь Александр Сергеевич Аристов, 1855 г.р., на момент начала романа умер, не оправившись от ран , полученных во время русско-турецкой войны

Ее мать, Мария Дмитриевна, 1866 г.р., в девичестве Беклемишева, родив второго ребенка, сына Петра, не перенесла родовой горячки

Князь Петр Александрович Аристов, 1890 года рождения

Беклемишевы

Князь Дмитрий Сергеевич, 1825 г.р.
Княгиня Дарья Ильинична, 1836 г.р.
Князь Павел Дмитриевич, 1865 г.р., полковник
Княжна Вера Дмитриевна, 1869 г.р.

Чернышевы
Граф Сергей Романович, 1834 г.р.
Графиня Аполлинария Павловна, 1842 г.р.
Роман Сергеевич, 1866 г.р. *(1901+)*
Василий Сергеевич, 1869 г.р.
Варвара Сергеевна, 1872 г.р., замужем за князем Николаем Масальским, проживает в Санкт-Петербурге
Близнецы Петр и Феврония, 1877 г.р.
Дмитрий Сергеевич, 1880 г.р.

Закревские
Граф Илья Дмитриевич, 1839 г.р.
Графиня Ольга Михайловна, 1856 г.р.
Николай Ильич, 1873 г.р.
Константин Ильич, 1876 г.р.
Аглая Ильинична, 1882 г.р.

Пролог

1890 год, имение Аристово, где-то в Тверской губернии.

– Ликонька, голубушка, поторопись, все уже уложено, те-

тушка гневаться будет, – старая нянька Олимпиада надела на девочку шубку, капор, сверху укутала малышку шалью, которую завязала на спине крест-накрест.

– Липа, а ты разве не поедешь? – Лика прижала к себе куклу и подняла на няню полные слез глаза.

– Нет, касатка, стара я уже, да и Петеньке, братцу твоему нужнее, а тебе бабушка гувернантку наймет, учительшу, в людской ноне сказывали, – няня обняла девочку, поцеловала пухлые щечки.

– А маменька, как выздоровеет, тоже приедет? И Петруша? – не унималась Лика, – я буду по ним скучать.

– Конечно, касатка, – Липа прижала к себе Лику, – не навсегда, чай, расстаемся, не кручинься.

Выйдя из комнаты, они спустились по большой мраморной лестнице в холл, где уже стояла невысокого роста светловолосая женщина в шубе и меховой шляпке – княжна Вера Дмитриевна Беклемишева, приходившаяся девочке родной теткой по матери.

– Нельзя ли было побыстрее, – Вера Дмитриевна не смогла скрыть своего раздражения.

– Барыня, голубушка, дите… – начала няня и замолчала под строгим холодным взглядом.

– Можешь идти, Липа, – небрежный кивок и высокомерный взгляд.

Из распахнутой двери ворвался морозный воздух, Лика вздохнула и слегка закашлялась, тут же постаравшись успо-

коить кашель. Она страшилась строгой тетки и не любила ее.

– Поторопись, Гликерия, путь долгий, надобно поскорее выехать, – княжна выжидательно посмотрела на дородного лакея, открывшего дверцу старого дормеза и откинувшего лесенку. Груженая карета тяжело осела на рессорах, полозья утопали в снегу.

Лика засмотрелась на вороного, которого держал под уздцы мальчонка, помощник кучера. Конь громко дышал, а из ноздрей у него вырывался пар. Девочка от удивления открыла рот и чуть не выронила куклу от громкого окрика княжны Веры.

– Гликерия! Что застыла? Живо садись в карету, – ехать по железной дороге с горничной, малым ребенком и большим количеством багажа, да еще зимой Вера Дмитриевна не решилась.

Лика сделала пару шагов по снегу и остановилась. Ступеньки были явно высоки для пятилетнего ребенка.

– Прохор, что стоишь? Подсади барышню, – прикрикнула Вера Дмитриевна на форейтора, и тут же большие мужские руки подняли Лику и в одно мгновение усадили в дормез.

Девочка забилась в угол, крепко прижимая к груди куклу Лизу, подаренную папенькой на именины. При мысли об отце и о том, что он теперь смотрит на нее с Неба, большие карие глаза Лики наполнились слезами, но от страха, что tante Вера будет ругаться, девочка не заплакала, только тихо шмыгнула носом и уткнулась личиком в платье Лизы.

– Н-н-но, трогай, – щелкнул кнут, вороной заржал, увлекая за собой всю четверку. Карета тронулась.

Долгий путь, остановки на постоялых дворах, где Лика всего боялась – собак на улице, людей в помещении, грохота и криков на лестнице, клопов, падающих в плошки с водой, в которых стояли ножки кровати. Страшилась она рассердить tante Веру и ее горничную Настю, которая каждый раз с таким лицом выносила ночную вазу за Ликой, что девочке хотелось спрятаться куда-нибудь и стань совсем незаметной. К тому же Настя очень больно дергала волосы, заплетая Лике косы, а tante Вера возмущалась всякий раз, если малышка брала вилку в правую руку и не пользовалась ножом.

На въезде в Москву девочка уснула и не слышала, как приехали к деду на Мясницкую. Она только почувствовала, как чьи-то добрые руки вынули ее из кареты, куда-то понесли, положили на кровать, сняли шубку и валеночки. Пахнуло резедой, и Лика сквозь сон поняла, что это бабушка, уютно устроилась на мягкой перине и уснула.

Спустившись с антресолей, княгиня Дарья Ильинична Беклемишева велела подать чаю в малой столовой и сказать Вере Дмитриевне и Дмитрию Сергеевичу, что она ждет их для разговору.

– Никогда замуж не пойду, матушка, коли так оно все, –

Вера Дмитриевна стремительно вошла в комнату и направилась к креслу рядом с матерью.

– Господь с тобой, милая, такие речи, хорошо, папенька не слышит, – махнула на дочь рукой княгиня. – Что Петруша, здоров ли?

– Доктор сказывал, оправится. Окрестили сразу, слабенький был очень, батюшка на дом приходил, в храм не ездили, а нынче хорошо все. Кормилица с ним и няня. Оооой, маменька, – заплакала вдруг Вера, уткнувшись матери в плечо. – Страшно-то как было. Кричала Маша так страшно, а потом раз, и стихло все. Думали, оба преставились.

– Будет, будет, милочка, – Дарья Ильинична погладила дочь по вздрагивающей спине, успокаивая. – Будет. На все воля Божия.

– По весне надобно и Петрушу забрать, – князь Дмитрий Сергеевич Беклемишев – высокий статный мужчина с седеющими волосами и бакенбардами с сочувствием посмотрел на жену и дочь. – Ну-ка, Вера, хватит сырость разводить, неровен час, дождь на улице пойдет вместо снега. Чаю вот выпей да расскажи толком. Ох, грехи наши тяжкие, – взяв с поставца граненый штоф, Дмитрий Сергеевич налил себе бренди, а потом устроился на диванчике напротив княгини.

– Надобно решать, что с сиротами делать, пока Аристовы не надумали предъявить права на них. – Дарья Ильинична обвела взглядом мужа и немного успокоившуюся дочь.

– Руки коротки, – хохотнул князь, – мои внуки, мне и вос-

питывать. В духовной что сказано Александра Сергеевича?

– А если Маша свою волю иначе выразила? – вздохнула княгиня. – После похорон князя Аристова недобро мы расстались и за все время от нее ни письма, ни записки не было.

– Если бы, да кабы, все вы, женщины, – нахмурился Беклемишев, наливая себе еще один лафитник. – Не смотри на меня так, матушка, мне оно думать помогает. И вообще, шли бы вы спать, сударыни, утро вечера мудренее, завтра все и обмозгуем, с утра за душеприказчиком семейным пошлю. Андрей Петрович в лучшем виде нам все и растолкует.

Глава первая

Май 1902 года, Москва

В усадьбе князя Беклемишева на Мясницкой готовились к балу по случаю тезоименитства и семнадцатилетия внучки старого князя Гликерии Александровны. Май выдался довольно теплым, потому в доме были распахнуты окна, впуская со двора запах жасмина и мяты. Из бальной залы плыл пряный дух мастики из пчелиного воска – несколько полотеров усердно натирали до блеска паркет. Из кухни доносились ароматы ванили, корицы и жареной курицы…

Именно этим смешением любимых запахов и суетой запомнился Лике семнадцатый день рождения. Она родилась 13 мая, на память Гликерии Новгородской, потому и была названа этим именем. Было, правда, еще несколько вариантов, но матушке с отцом понравилось это. Отец называл ее Лушенькой, и Лике казалось, что она помнила это, хотя на самом деле, скорее представляла по рассказам бабушки и tante Веры. Что может помнить ребенок, которому еще не было и пяти лет? Но она помнила – большие руки отца, его бороду и усы, запах, лица вот никак вспомнить не могла – только по портрету. И любимую песню отца тоже помнила. Романс «Не пробуждай, не пробуждай». Она теперь тоже его

пела – в память о папеньке.

Утром, стоя в музыкальной комнате у пианино, Лика тихонько наигрывала любимый романс, когда появился дед. Волосы его были уже почти совсем седыми, как и бакенбарды, но Дмитрий Сергеевич оставался по-прежнему подтянутым и стройным, хотя возраст имел достаточно солидный.

– Ну что именинница, поздравляю, вот ты и выросла. Маменьку твою в этом возрасте замуж отдали, – князь посмотрел на внучку серьезно, но, поймав ее испуганный взгляд, улыбнулся. – Не страшись, тебя пока еще даже не сватал никто.

– Ой, papi, как вы меня напугали, – Лика никак не могла скрыть растерянности, вызванной словами Дмитрия Сергеевича, и не понимала, к чему он клонит.

– Стар я стал, а хочется самому тебя в свет вывести, потому думаю по осени в Петербург отправиться. Нет у нас тут на Москве настоящей знати, а ты такая красавица у меня выросла, можешь выгодную партию в столице сделать, – князь присел на оттоманку и внимательно посмотрел на внучку.

– Не знаю, papi, мне больше всего хочется в Беклемишевку и не только на лето. Скучаю я на Москве по лесу нашему, по речке, да и подруги все там остались. Если б хоть в институт… – начала девушка, но дед не дал ей договорить.

– Ты все эти новомодные веяния брось. Матушка твоя дома училась, и Верочка, и тебя так выучили. Домашнее образование, оно гораздо полезнее. Все что надо знаешь и уме-

ешь, и ничего лишнего. Да и куда ехать-то – в столицу? – Дмитрий Сергеевич поднялся. – Бабушке твоей сырой климат вреден, да и Петруше. Ступай вот одевайся лучше, вся Москва у нас сегодня соберется, последний бал даем.

– Как последний, papi? – недоумение явно выразилось на лице девушки.

– Так сама ж в Беклемишевку хотела, вот и поедем аккурат после Троицы, а оттуда уже в столицу, а там, как Бог даст, – старый князь приобнял внучку, – красавица ты моя, не страшись, неволить не стану, просто стар я уже.

– Что вы, papi, – Лика поцеловала Дмитрия Сергеевича в морщинистую щеку, – разве старики танцуют? – она лукаво блеснула глазами, – вы мне вальс обещали, неужто откажете?

– Знаешь, плутовка, как польстить деду, – губы князя расплылись в улыбке, – ступай одевайся.

«Красавица выросла», – подумал Дмитрий Сергеевич, поднявшись с оттоманки и подойдя к пианино. Поискав что-то в нотных тетрадях, он махнул рукой, сел за инструмент и заиграл вступление. Потом по комнате разнесся его приятный баритон.

Ночь светла, над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром голубая волна.
Темный лес… Там в тиши изумрудных ветвей

Звонких песен своих не поет соловей.[1]

Князь повторил последнюю строку и, прекратив игру, закрыл крышку пианино. Очень не хотелось ему покидать неспешную Москву и ехать в столицу, но не на сына же перекладывать заботу о Ликуше. Павел Дмитриевич в свои тридцать семь лет успел сделать неплохую военную карьеру, но семьей пока не обзавелся, потому старый князь не считал его человеком, способным устроить счастье любимой внучки.

«Дети, дети… как странно и, в общем-то, несправедливо распорядилась судьба. Словно какой-то злой рок навис над семьей Беклемишевых – Машенька умерла родами, Паша, будучи довольно завидным женихом, тем не менее, дважды получал отказ на свое предложение (один раз от девицы, другой – от ее отца), Верочка…»

Вспомнив вчерашний разговор с младшей дочерью, Дмитрий Сергеевич тяжело засопел носом и в сердцах стукнул кулаком по крышке пианино.

«Тоже удумала – в монастырь собралась. Да еще в Эстляндию!», – князь попытался вспомнить название городка, где расположена так приглянувшаяся дочери обитель, но так и не смог его выговорить.

– Тьфу, чухонцы, прости, Господи, да и княгинюшка хо-

---

[1] **Ночь светла…** – Романс был впервые издан в 1885 году в приложении к журналу «Радуга» с указанием автора музыки Якова Федоровича Пригожего и автора слов – «Л.Г.». Инициалы эти принадлежат русскому поэту Леониду Граве.

роша. Верочка, Верочка, пусть приедет, пусть погостит. Догостилась. – конечно, не пускать дочь к крестной князь Беклемишев не мог, тем более князь Сергей Владимирович Шаховской был птицей высокого полета – губернатором Эстляндии. Но кто ж знал, что после смерти супруга княгиня не только сама станет особой весьма набожной, но и крестницу к этому склонит. Нет, Дмитрий Сергеевич новомодных взглядов не придерживался – и в храм ходил, и говел Великим постом, и на монастыри немало жертвовал, но дочь в черницы отдать – этого у него и в мыслях не было. «Конечно, Верочка в девках засиделась, но и не такие замуж выходят. Взять хоть графиню Чернышеву покойную. Троих детей родила в весьма солидном возрасте». Эх, грехи наши тяжкие, – вздохнул Дмитрий Сергеевич и направился прямиков в библиотеку. Его душа горела, и, понимая, что до гостей княгиня-матушка ни капли не даст, князь решил «почитать Диккенса» (именно за толстым томом этого английского писателя стоял шкалик с анисовкой).

Княжна Вера Дмитриевна воротилась от обедни из Никольского храма, где имела долгую беседу с отцом Михаилом. Батюшка уговаривал Веру отцовской воле не противиться, но попытаться поговорить с маменькой и привлечь ее на свою сторону. Сам же он обещался непременно побеседовать с князем и надеялся на успех сего предприятия, но, глядя на пожилого сухонького священника, Вера очень со-

мневалась, что у того что-то получится. «Куда отцу Михаилу против папеньки, – вздохнула про себя девушка. – Был бы жив Сергей Владимирович!» С другой стороны, пока князь Шаховской[2] был жив, Верочке и в голову не приходило уйти в монастырь. Ей нравилось приезжать в гости к крестной, блистать на балах, принимать знаки внимания от кавалеров, пусть никто из них и не тронул ее сердце. После гибели зятя Верочка уехала в Аристово помочь непраздной сестре, и тяжелые роды, болезнь и смерть Маши сильно подействовали на княжну. Тогда она ежедневно молилась, умоляя Господа и Его Пречистую Матерь пожалеть Машу и спасти ее. И когда ее молитвы не были услышаны, Вера ушла в себя, а потом озлобилась на весь мир. Стала очень строгой с маленькой Ликой, которая внешне была так похожа на мать, и долгое время не могла даже видеть Петрушу, считая его виновным в гибели своей любимой старшей сестры.

Постепенно боль утихла, ушли и страхи, княжна Вера вновь стала выезжать и как-то невзначай – она сама не поняла, как это случилось, влюбилась в блестящего офицера Ро-

---

[2] **Шаховской, Сергей Владимирович** (родился в 1852 году – умер 12 октября 1894 года в Ревеле) – эстляндский губернатор. Его жена – Елизавета Дмитриевна (урожд. Милютина, 28.3.1844 – 16.6.1939), Фрейлина императрицы; была сестрой милосердия в Ахал-Текинской экспедиции (1880). Вместе с мужем была в числе устроителей Пюхтицкого Успенского женского монастыря, возглавляла Иеввенское отделение Православного Прибалтийского братства Христа Спасителя и Покрова Пресвятой Богородицы. Переписывалась со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Последние годы провела близ Пюхтицкого монастыря, где и скончалась; похоронена в Пюхтицком монастыре.

мана Чернышева. Нет, он был красив, статен, обходителен, и по нему сохли многие девушки на выданье как на Москве, так и в столице, но Верочка-то знала Романа Сергеевича едва не с детства – они были соседями, дружили семьями.

Практически не видя дома родного старшего брата, Вера с Машей возвели в ранг таковых Романа и Василия Чернышевых, что было весьма полезно для всех четверых. У девушек всегда имелись партнеры для домашних танцев, кавалеры на балах, а молодым людям оказывалась помощь другого свойства – выбрать для понравившейся девушки подарок, написать экзерсисы по английскому, да мало ли какая мелочь может понадобиться. В силу таких дружеских, почти родственных отношений, Чернышевы в качестве женихов абсолютно не рассматривались, но именно в их доме Маша познакомилась со своим будущим мужем князем Аристовым, приходившемся брату Сергея Романовича Павлу каким-то родственником по линии его жены.

И вот на Святки последнего уходящего года девятнадцатого столетия на балу в собственном доме, танцуя вальс с молодым графом Романом и говоря о разной чепухе, касательно всяких предсказаний на новый век, Верочка неожиданно посмотрела ему в глаза, и поняла, что пропала. Сердце застучало как бешеное, по телу прошла горячая волна, руки неожиданно вспотели, она сбилась с такта и отчаянно покраснела от собственной неловкости.

– Простите, Роман Сергеевич, голова закружилась, – тихо прошептала Верочка, молясь, чтобы он не понял, что с ней происходит на самом деле.

– Это я виноват, Вера Дмитриевна, слишком сильно кружил, – граф улыбнулся (отчего девушка засмущалась еще сильнее) и, аккуратно ведя свою даму среди танцующих пар, оказался вместе с ней у раскрытой форточки. – Постойте, Вера Дмитриевна, здесь лучше будет, сейчас воды принесу.

Роман сам принес ей тогда бокал сельтерской, хотя мог бы позвать лакея, потом заботливо проводил Верочку к матери и ушел играть в карты. Было это числа 29 декабря, а в новогоднюю ночь Роман Сергеевич утонул в Москва-реке. Несчастный случай – был сильно пьян, возвращаясь из гостей, коляска попала в полынью, и тяжелая шуба не дала маневра движениям. Да и вода холодная. Говорили, что граф до последнего момента пытался спасти жеребца, которым очень дорожил, выпрячь его из коляски. Конь остался жив…

Узнав о несчастье, Верочка слегла в горячке – еле выходили. Все решили, что она простудилась на балу, стоя у открытой форточки, и никому даже в голову не пришла истинная причина. Не знала ничего и княгиня, только крестной смогла излить свою душу Верочка, а та привела ее на исповедь и беседу к отцу Иоанну Сергиеву[3]. Княжне стало несравнимо

---

[3] **Протоиерей Иоанн Сергиев (1829–1908)** на Поместном Соборе Русской

легче, душа ее потянулась к Богу и молитве, вот и решила она принять постриг. Вера Дмитриевна никак и помыслить не могла, что встретит такую реакцию папеньки. Конечно, в их роду не было священников, но ведь она за всю семью молиться станет. Отец Иоанн говорил, какие-то испытания грядут для России, правда, его самого Верочка о постриге не спрашивала – отчего-то застеснялась.

Надеясь после бала поговорить с маменькой по душам, Вера кликнула горничную Алену и принялась одеваться – ослушаться отца и не выйти к гостям она не посмела. Только что платье выбрала достаточно скромное: закрытое с высоким воротом.

Выйдя из музыкальной комнаты, Лика не сразу направилась к себе. Первым делом она зашла на кухню, где готовили именинный торт.

– Марфа, голубушка, крема-то не осталось? – девушка подбежала к поварихе и погладила ту по плечу.

– Осталось, егоза, осталось, нечто не знаю, что барышня моя крем любит, – Марфа поставила перед Ликой блюдечко

Православной Церкви 7-8 июня 1990 года был канонизован как святой праведный Иоанн Кронштадтский (память 20 декабря/2 января). *В описываемый в моем романе момент – 1902 год – отец Иоанн служил как в Андреевском соборе Кронштадта, так и в основанном им Иоанновском монастыре на набережной реки Карповки в Санкт-Петербурге. (Здание монастыря построено в 1900–1902 году).*

с кремом, тарелку печенья и стакан молока.

– Ой, спасибо, – Лика захлопала в ладоши, поцеловала пожилую женщину в щеку и уселась к столу. – А молоко можно согреть, дюже холодное?

– Петь нынче будете, барышня? – поваренок Степка взял молоко, налил его в алюминиевую миску, слегка погрел на огне, снова перелил в чашку и подал барышне.

– Буду, а ты слушать придешь? – смеясь, она потрепала мальчика по кудрявым вихрам.

– Куда нам, – насупился поваренок и отошел вглубь кухни.

– Постой, Степка, нешто обиделся? Принеси-ка гитару из лакейской, скажи, барышня велела, – кивнув поваренку, Лика принялась за еду.

Мальчонка обернулся довольно быстро, и вскоре вся кухня слушала историю чьей-то свадьбы и трагической судьбы.

На ней было белое платье,
Венок был приколот из роз,
Она на святое распятье
Смотрела сквозь радугу слез.[4]

Лика играла цыганским перебором, которому научилась летом в имении, голос у нее был хорошо поставленный и не

---

[4] **У церкви стояла карета** – романс чаще всего значится как народный, но поскольку впервые он был напечатан в сборнике известного собирателя народной песни Матвея Ожегова «Безумная» с одноименной песней, то вероятнее всего, он включил ее в свой сборник уже в собственной обработке.

сильно высокий. Ее приятный альт завораживал слушателей. Один романс, второй, третий…

– Гликерия Александровна, голубушка, идите одеваться, папенька гневаться будут, – раздался голос горничной Татьяны, едва смолкло пение. – Дмитрий Сергеевич меня накажут, скоро уж гости съедутся, а вы не прибраны.

– Иду, Таня, иду, – раскрасневшаяся Лика поднялась со стула и вышла из кухни вслед за горничной. – Им же понравилось, я видела, понравилось, как я рада, Таня, ты не понимаешь, как я рада. Одно дело – на балах петь, и совсем другое – вот так, задушевно… Ванна готова? – перебила саму себя княжна.

– Так остыла уже, сейчас горячей воды добавлю, – горничная устремилась в ванную комнату.

Татьяна помогла Лике надеть палевое платье с кружевной оборкой на рукавах и вышивкой по лифу и подолу. Довольно глубокое декольте обрамляли искусно сделанные розы. Такие же горничная вплела в прическу, сделав небольшой обвитый косой узел, и выпустив несколько небрежных локонов на шею.

К моменту, когда в холле показались первые гости, Лика появилась на площадке бельэтажа, чтобы встретить их вместе с дедом и бабушкой.

Глава 2

У Чернышевых тоже готовились к балу по случаю именин внучки князя Беклемишева. Правда, из молодежи в дому оставался только Дмитрий Сергеевич. Корпусной портупей-юнкер Александровского училища, на Светлой он заболел инфлюэнцей и был помещен в лазарет, откуда отправлен на долечивание домой. Столь снисходительное отношение и разрешение побыть дома перед последними испытаниями младший Чернышев получил вовсе не из-за своего титула или личного ходатайства маменьки, состоявшей в дальнем свойстве с женой директора училища. Дмитрий считался лучшим в своем выпуске по всем предметам и должен был блистать на испытаниях, на которые ожидался приезд Государя, посему и был отпущен из лазарета домой, где уход был за ним несравненно лучше. Сейчас он от болезни совсем оправился и непременно намеревался посетить бал по случаю именин Гликерии Аристовой.

Старшая дочь семейства, Варвара Сергеевна, вот уже несколько лет жившая с мужем, князем Масальским, в столице, на Страстной благополучно разрешилась от бремени очередным младенцем. Вскорости намечались крестины, а поскольку девочку намеревались назвать Февронией, младшая дочь Чернышевых – тоже Феврония, в дому именуемая Феей, – после Фомина воскресенья отбыла в Петербург. Петр Сергеевич вызвался сопровождать сестру в столицу, и

так сложилось, что близнецы до сих пор пребывали в Петербурге. Девочка у Варвары Сергеевны родилась слабенькая, крестины вот уже дважды переносили, и хоть все уговаривали родителей младенца приступить к таинству как можно скорее и на дому, княгиня была непреклонна в своем желании крестить младенца непременно в Казанском соборе.

Василий Сергеевич как уехал после гибели любимого брата за границу, так и не возвращался. До Москвы доходили нелицеприятные слухи о дурном поведении наследника Чернышевых, но старый граф лишь тяжело вздыхал и не предпринимал никаких действий, чтобы урезонить сына, а графиня Аполлинария Павловна только плакала в подушку. Временами пыталась она поговорить с Сержем о недопустимом поведении Базиля, но граф всегда от разговора уходил. Вот и этим утром строго наказал супруге более о старшем сыне не говорить.

– Полин, прошу вас, не стоит, коль ссориться со мной не хотите, темы этой более прошу не поднимать. Василий Сергеевич уже полгода как денежного довольствия от меня не получает, поведение же свое сменить не пожелал. Бог ему судья, my heart, только Он волен смягчить сердце нашего сына и вернуть его на путь истинный. Если можете, молитесь, мое же терпение иссякло. И не вздумайте, darling, посылать ему денег из тех, что я даю вам на булавки, – граф посмотрел на супругу поверх кофейной чашки.

– Серж, дорогой, я, – начала оправдываться графиня, опустив глаза и нервно перебирая пальцами, но Сергей Романович молча накрыл ее руки своей большой ладонью.

– Не стоит, право, my darling, не стоит. У вас не получится, – улыбнувшись, он встал с кресла и покинул будуар Аполлинарии Павловны, где имел обыкновение завтракать.

Графиня встала и подошла к окну. С одной стороны ей было обидно, что супруг так жесток к старшему сыну и его маленьким слабостям, с другой приятно было осознавать, что Серж так хорошо ее понимает и чувствует. «Стоит уговорить его разрешить нам с Феей отправиться на воды в Бат, а там изыскать возможность повидаться с Базилем», – подумала она, нажимая на звонок, чтобы позвать служанку. Пора было одеваться на бал к соседям.

Ровно через час автомобиль подали к подъезду. Граф Чернышев был большим любителем всех новшеств, особенно технических, потому уже с начала века завел себе мотор и даже научился водить его, чего потребовал и от сыновей. Василий отнесся к «капризам» отца с некой иронией и учиться водить «железного коня» абсолютно не собирался, предпочитая живых, младшие же с интересом приняли новинку и довольно быстро освоили ее. Графиня автомобиля побаивалась, но виду не показывала, поскольку спорить с мужем считала делом абсолютно бесполезным.

Лакей распахнул дверцу, и Аполлинария Павловна, акку-

ратно подобрав юбки, уселась на мягкое кожаное сиденье. Когда же на водительском месте устроился Дмитрий, графиня не преминула возразить, обратившись к супругу:

– Сергей Романович, я не поеду. Без меня что хотите делайте, но меня увольте, пусть Готтфрид везет (она с трудом выговорила непривычное для русского уха имя немецкого водителя, выписанного графом Чернышевым из-за границы вместе с автомобилем), на то ему и жалованье платят, – Аполлинария Павловна перевела гневный взгляд с мужа на сына и обратно.

– Полно, душа моя, все хорошо. Дмитрий лучше меня уже научился, а Готтфрида я отпустил, он на вокзал поехал. Там как раз новые моторы прибыли, – улыбнулся граф, – поехали, Митя, нас ждут.

– Вы купили еще мотор? – графиня с нескрываемым удивлением посмотрела на супруга. – Неужто одного недостанет?

– My dearest, the technical progress does not linger, it's said to be the foundation of our future (душа моя, прогресс не стоит на месте, за ним – будущее (анг.)), скоро и тебя научу. Беклемишевы вон тоже купили. И ездить будет Гликерия Александровна. Вечор старый князь в клубе хвастался, что внучке на именины мотор из Англии выписал. – Граф похлопал супругу по руке, повернувшись вполоборота назад.

– Непременно научу Лику водить, – радостно воскликнул Митя, но был резко осажен отцом:

– Без тебя учителя найдутся, лучше за дорогой смотри, –

попенял граф младшему сыну, несколько удивленному отцовской резкостью.

Сергей Романович и сам не мог ответить, чего он вдруг так вспылил. Дмитрий с детства опекал внучку Беклемишевых, будучи ей заместо старшего брата, и вполне логично, что он предложился в учителя, как прежде учил Лику ездить на лошади и управляться с веслами и парусом.

Вероятно виной всему вчерашняя встреча в клубе и то, с каким восторгом старый князь рассказывал, как повезет внучку в Петербург, представит императору, устроит ее судьбу. Конечно, граф Чернышев всей душой желал счастья сироте Аристовой, но надменного холодного Петербурга не любил, как и столичных жителей, считая их поголовно снобами и выскочками. Негоже столбовым дворянам Беклемишевым родниться с нуворишами. Да, его собственная Варенька сделала удачную партию в столице, но Чернышевы и сами были не столь родовиты и богаты, как Беклемишевы, к тому же, князь Николай Масальский, супруг Вареньки, хорошего древнего рода и в чинах. Размышляя далее, граф вспомнил, что познакомилась Варя с князем Масальским здесь, на Москве. Он состоял в свойстве с Закревскими, чье имение Сосновка находилось неподалеку от Чернышевки, подмосковной Сергея Романовича. Закревские давали бал в честь тезоименитства сына Николая, на том балу и свела знакомство Варенька со своим будущим супругом. Вско-

рости, правда, выяснилось, что молодой князь служит при дворе, и дела требуют его в столицу. Варя тогда очень переживала отъезд князя и сама не своя была на рождественском балу в Благородном собрании. От графа тщательно скрывали и переживания дочери и ее влюбленность в молодого Масальского, да только что у него – глаз нет? Как вошел князь тогда в залу на балу и от двери прямиком к ним, и на Варю смотрит, словно никого более в зале нету, и она на него. Слепым надо было быть, чтоб не заметить.

– Граф, разрешите пригласить вашу дочь на тур вальса, – словно снова услышал Чернышев голос князя, хоть с той поры почти десять лет, почитай, минуло. И ответ свой услышал, и то, как Варенька вся встрепенулась, будто снова увидел. На другой же день князь приехал просить руки Варвары Сергеевны, и, конечно, получил согласие и родительское благословение. Свадьбу сыграли в Фомино воскресение, и тетушки радовались, что Пасха не поздняя, Красная горка на апрель приходится, знать, все хорошо у молодых сложится, маяться не будут. Граф тогда посмеялся над этим глупым суеверием. Сам-то он аккурат в мае венчался. И вот уже сколько лет живут, а маеты что-то близко не видать.

Размякнув от воспоминаний, Сергей Романович обернулся посмотреть на супругу и улыбнулся ей. Машина как раз подъехала к особняку Беклемишевых. Не дожидаясь лакея, граф сам открыл дверцу и подал руку Аполлинарии Павлов-

не.

– Прошу вас, my darling Pauline, – он склонил голову, выжидая, пока графиня, опершись на его ладонь, осторожно ставит на асфальт ногу в легкой кожаной туфельке. Вид тонких щиколоток супруги из-под слегка укороченного по моде платья вдруг показался графу слишком интимным и не совсем приличным, но сказать этого dear Pauline он не посмел.

Большой особняк князя Беклемишева на Мясницкой блистал огнями. Здесь как раз недавно провели новомодное электричество, и Дмитрий Сергеевич велел зажечь все люстры. От этого было немного жарко и душновато, к тому же день, выдавшийся достаточно теплым, еще даже не начал клониться к вечеру.

Чернышевы были среди немногих своих гостей, которых пригласили к обеду. Большинство же приедет потом сразу на бал и останется на ужин.

– Полин, дорогая, рада видеть, – Дарья Ильинична Беклемишева слегка приобняла графиню и коснулась губами воздуха около ее щеки. – Серж, составьте компанию князю за вистом после обеда, а молодежь пусть развлекается танцами.

– Какая красавица выросла, – улыбнулась графиня Лике, стоявшей рядом с дедом и бабушкой, – поздравляю, my darling, – Аполлинария Павловна поцеловала девушку щеку и протянула руку графу для пожатия на английский манер, но тот все же по старинке запечатлел поцелуй на кружевной

перчатке графини Чернышевой.

Окончив с приветствиями, сквозь растворенные лакеем двери Чернышевы вышли в сад, где в большом шатре был накрыт обеденный стол.

– Крестная, как я рада, что вы пораньше, – к графине подошла, улыбаясь, Вера Дмитриевна, – поговорить хотела tête-à-tête.

– А со мной даже поздороваться не хотите, Вера Дмитриевна? – спросил граф, всем своим видом показывая, что отнюдь не сердится на девушку за оплошность.

– Сергей Романович, Дмитрий Сергеевич, прошу простить, – тут же смутилась Вера, но Аполлинария Павловна уже подхватила ее под руку и повела к беседке, бросив сердитый взгляд на мужа, явно упрекая его в бестактности.

– Что случилось, ma chérie, на тебе лица нет? А на графа внимания не обращай. Шутник он изрядный, – придя в беседку, графиня усадила княжну на скамеечку, а сама села рядом, не отпуская руки девушки.

– Tante Pauline, – Вера с детства звала графиню крестной и тетушкой, хоть восприемницей она была не ее, а сестры, покойной Машеньки, – только вы мне помочь можете. Больше и обратиться не к кому. Маменька меня и слушать не станет, а Ликуша мала еще.

– Je t'écoute, ma fille (слушаю тебя, моя девочка (фр.)) – Аполлинария Павловна перешла на французский, зная, что в семье Беклемишевых по старинке предпочитали этот язык,

тогда как в доме Чернышевых более принят был anglais.

Верочка ненадолго задумалась, но сказать ничего не успела, потому что прибежавшая Татьяна сообщила, что гости, званые на обед, приехали, и князь к столу зовут.

Глава 3

Граф Василий Сергеевич Чернышев, о котором так сокрушались отец с маменькой, был об ту майскую пору гораздо ближе, чем они думали – ехал домой с Николаевского вокзала. Правда, по дороге он ненадолго завернул к приятелю – отставному поручику лейб-гвардии Его императорского Величества барону Андрею Велио. Тот недавно женился, совершив ужаснейший мезальянс, вследствие чего вынужден был подать в отставку и покинуть Санкт-Петербург.

Чернышев же, не далее как в прошлый вечер возвратившийся из Ниццы, где он последние полтора года вел довольно веселую жизнь, не обретя барона в столице, не преминул заглянуть к нему на Москве, предварительно выпытав адрес у дворецкого Велио- старшего. Сам Петр Карлович разговаривал с графом холодно, нынешнего адреса сына не сказывал и вообще постарался поскорее закруглить беседу – даже чаю с дороги Чернышеву не предложил.

Дворецкий Пафнутий, провожая графа в передней, долго мялся и вздыхал. Повторяя, что «барин не велели-с», но в конце концов бренный металл сделал свое дело, и Василий

Сергеевич направился на Николаевский вокзал. Выехав в девять вечера из столицы, в десятом часу утра поезд подъезжал к Москве. Посчитав время для визита слишком ранним, граф тут же на вокзале приказал подать рюмку водки и расстегаев с рыбой, а затем и чаю. Половой расстарался, надеясь на богатые чаевые, и не оказался в накладе.

Выйдя на площадь, Василий кликнул «лихача» и, усевшись, приказал ехать на Арбат в Трубниковский переулок, где в доме какого-то посланника во Франции (граф не утрудил себя запоминанием сложного имени) и квартировал во флигеле Андрей Петрович с молодой женой.

Отпустив извозчика, наказав тому отвезти багаж на Мясницкую и дав за это полтину сверху, граф долго стучал в дверь приятеля, пока ее, наконец, не отпер сам барон в засаленном халате и с совершенно заспанным лицом.

– Долго почивать изволишь, господин барон, – Чернышев с усмешкой посмотрел на приятеля.

– В-василий Сергеевич? Базиль, родной ты мой, не представляешь, как я рад тебя видеть, – Андрей Петрович поплотнее запахнул шлафрок и поежился, хотя на улице было изрядно тепло.

– Что с тобой, Андрэ? Что кутаешься, как баба старая? – удивился граф, входя в переднюю, – и слуг где растерять успел?

– Болею я, осьмой день, почитай, грудная мучает, баронесса-то моя, слышал уж, поди, в тягости да на сносях. Отец

содержания меня лишил, так что денег ни на что не хватает. Пытался я как-то устроиться уроки фехтования давать сынкам купеческим, но только муторное это дело и неблагодарное. Оконце в зале растворили сильно, да и на обратной дороге на «ваньку» двугривенный пожалел. Вот и занемог. А прислуги у нас уж с месяц как нету – рассчитать пришлось всех. Только денщик мой Демьян с нами проживает. Он и за дворецкого и за кухарку. Да баба дворничиха приходит два раза на неделе убираться, – вздохнул Андрей и сильно закашлялся после такой длинной речи.

– Андрей Петрович, барин, пошто сами вышли, не разбудили меня? Простите дурака старого, сон крепок, не слыхал, как стучали, – старик в поношенном солдатском мундире подхватил барона под руки и хотел отвести его в спальню, но Андрей завернул в гостиную и присел на диван, жестом предложив графу расположиться напротив.

Мебель была чистая, но сильно потертая, и весь вид жилья выказывал весьма стесненные обстоятельства его обитателей.

– Демьян, чаю подай, – кивнул барон, отпуская слугу.

– Эт мы мигом, вашбродь, мигом спроворим, – денщик собрался уходить, но был остановлен приказным тоном Чернышева:

– Вот что, любезный, – граф порылся в кармане и достал три рубля ассигнациями, – в лавку сходи, купи там что-нибудь, Василий щелкнул пальцами, а потом дотронулся до ка-

дыка, ну и закусить, а потом и самовар поставишь, – Демьян кивнул, и уверенный, что был понят правильно, Чернышев расстегнул сюртук и уселся на диван.

– Что ты, Базиль, право не стоило, nous avons tout (у нас все есть (фр.)), – Андрей Петрович снова закашлялся и приложил кулак к груди, старясь унять недуг.

– Андрэ, что за церемонии между друзьями? Сегодня я на плаву, завтра – ты. Сочтемся, не впервой. Меня папенька, почитай, полгода уже как содержания лишил, спасибо, мадам Жаннетт не оставила, но сам понимаешь, долго сие продолжаться не могло. Сам бы себя уважать перестал, живи я полностью за счет любовницы. Вот на Москву вернулся, служить пойду, али в подмосковную уеду, заделаюсь барином. – Граф невесело усмехнулся. – Представляешь, Андрюша, я – и барином? – видя, что губы друга растянулись в улыбке, но смеяться тот не решается, боясь нового приступа, Василий продолжил, – видишь, и тебе смешно. А мне горько. Горько, понимаешь ты? Как Романа схоронил, сам не свой. Больше года прошло, а все забыть не могу. Ни забыть, ни примириться. Игрушки мы в руках Божиих, марионетки. Захотел Он, и жизнь дал, захотел – отнял. Страшно-то как, Андрюша. Представь только – весна прошла, лето, а братца нет на земле. Мы все радуемся теплу и солнышку, а он – в земле гниет. Тело его гниет. А душа? Куда душа-то девается? Мысли, чувства, желания? Это все уходит куда? Представить не могу, что когда-то не будет меня, а жизнь своим чередом пой-

дет. Все жить дальше будут, а я уже ничего не узнаю. Как же так, Андрэ? Почему жизнь столь несправедлива? И почему Роман? Он же лучшим был среди нас. И красивый, и умный, и женщины его любили. Душа общества. И вот раз – и в одночасье не стало. Коня своего спасал! – в сердцах граф стукнул по столешнице так, что по положенному поверх сукна стеклу пошли трещины. – Прости. – Василий потупил голову и как-то весь сник, словно пар из него выпустили. – Прости, пойду я, пожалуй. – Он грузно встал и пресек попытку барона тоже подняться. – Выздоравливай, домой доберусь, доктора тебе пришлю, и не перечь. Я про Крит помню[5]. Мальчишки были, что нас потянуло туда, но коли б не ты, не было бы меня на этом свете. Да и жизнь, Андрэ, штука сложная, фортуна – дама переменчивая, потому прошу, смирись и не обижайся, все равно не отстану. – Граф поклонился появившейся в дверях темноволосой женщине в утреннем платье и вышел в прихожую, а оттуда на улицу.

– André, qui c'était (Андрэ, кто это был (фр.)), – женщина подошла к барону и положила изящную маленькую ручку на

---

[5] Речь идет о Первой греко-турецкой войне 1897, которая началась восстанием христиан против турецкого владычества на острове Крит. Война была короткой, странной, Россия войсками была на стороне Турции – военные корабли нашего флота обстреливали лагерь повстанцев. В итоге войны Крит стал автономной провинцией, где единственным символом, напоминающим о султане, был его флаг. Я предполагаю, что мои герои, на тот момент находившиеся на военной службе, были как-то замешаны в войне и могли даже оказаться в самой гуще событий, например, в тот момент, когда турки не желали вывести войска с Крита в конце августа 1897 года, и были волнения и жертвы

его лоб, – va te coucher, tu as de la fièvre (поди приляг, у тебя жар (фр)).

– C'est mon ami, Mari, mon grand ami (Это мой друг, Мари, мой большой друг (фр.)), – улыбнулся Андрей Петрович, – и, право, не стоит беспокоиться, мне уже лучше. Сейчас Демьян еды принесет, и, думаю, мы сможем нанять тебе горничную.

Мари неверящим взглядом посмотрела на супруга, решив, что у него галлюцинации, вызванные жаром, но вскоре в самом деле вернулся денщик с едой, а через пару часов пришел отправленный Чернышевым доктор.

– Что ж вы, батенька, болезнь так запустили, – посетовал старенький эскулап, выписывая рецепты. – Вот, пусть немедленно купят. Как принимать, я написал. Завтра еще наведаюсь ввечеру. Василий Сергеевич наказали на ноги вас поднять непременно, – доктор собрал свой саквояж и заторопился к выходу.

Когда Мари, провожая его, попыталась заикнуться, что завтра приходить не стоит, поскольку расплатиться им с доктором нечем, тот сердито посмотрел на молодую женщину, шмыгнув носом так, что подскочило и тут же вернулось на свое место пенсне. – Не извольте беспокоиться, сударыня, я клятву давал помогать страждущим, да и Василий Сергеевич все наперед уплатили-с.

Удивленная сверх меры благотворительностью le grand ami de André, Мари закрыла дверь и решила все выяснить у

мужа, когда тот полностью оправится от болезни.

Граф Чернышев дошел по Большой Никитской до бульваров и медленно направился к дому. Сначала хотел кликнуть «лихача», но потом передумал и так и брел до Мясницкой в растрепанных чувствах, ничего и никого не замечая кругом, пока неожиданно на углу улицы не был окликнут: «Барин, а барин, Василь Сергеич, барин, ах ты, Господи!».

Граф поднял голову, остановился и едва не сшиб сухонькую старушку, которая все причитала «Василь Сергеич, вот радость-то, Василь Сергеич».

– Я это, нянюшка, я, а ты куда собралась-то? – он улыбнулся по-доброму: няня вырастила и его, и всех остальных детей Чернышевых, и все ее очень любили.

– Дык, барин-то в гостях у князя по-соседству, аменины внучки Дмитрий Сергеича, а я племянницу навестить. Недалече тут, у Харитонья. Там и службу постою, дюже голосисты певчие у Харитонья-то. День-то какой ныне, батюшка-барин, хороший, соколик наш домой возвернулся, – старушка достала из кармана платок и вытерла повлажневшие глаза. – Утресь как солнышко заиграло, так и помнилось мне – что-то хорошее случится. – Она снова радостно посмотрела на графа.

– Думаешь, хорошее, Аннушка? Ну коли так, ступай, помолись у Харитония. – граф протянул нянюшке мелочь. – За Андрея болящего помолись.

– Помолюсь, соколик, помолюсь, нешто не помолиться-то. И за Андрея, и за Василия, – кивнула она и засеменила наискосок через улицу, продолжая причитать, – вот радость-то, вот радость.

Василий сначала хотел сказать Аннушке, чтоб за него не молилась, но отчего-то не стал, а просто махнул рукой и пошел к дому.

– Батюшки святы, Василий Сергеевич, – дворецкий Тихон радостно заулыбался молодому барину. Его сиятельство в гостях у князя Беклемишева по случаю…

– Знаю, Тихон, знаю, Аннушку встретил, все как на духу доложила, – улыбнулся граф старому слуге. – А что вещи мои?

–Лихач-то? Привез, барин, вещи, только чьи, не сказывал, думали, в гости кто, велели в гостевые покои отнесть, – замялся дворецкий. – Не признали, что ваши.

– Ничего, Тихон, пусть в мою комнату перенесут. Ванну и одеваться. Сюртук. Пойду тоже Гликерию Александровну поздравлю, – Василий пошел по ступенькам наверх, уверенный, что дворецкий тут же распорядится.

– Вот маменька обрадуются, – не сдержался Тихон, и граф усмехнулся, услышав эти слова. Да уж, маменька точно обрадуется, она очень переживала его отъезд, и кутежи, и безденежье. «Васенька, дорогой, губишь ты себя, Христом Богом прошу, отстань от дурных людей. Вернись домой», – всплы-

ли перед глазами строчки одного из писем матери. Знала бы она, что тем дурным человеком был он сам, ее любимый Васенька. Дурным для других, но более всего – для самого себя. И это было тяжелее всего. С самим собой следовало ему ужиться, себя понять и смирить, а это было практически невозможно.

После ванны Василий спросил чаю и холодного мяса, решив появиться у Беклемишевых позднее – к самому балу. Потом тщательно оделся, долго выбирая жилет и завязывая шейный платок замысловатым узлом: граф видел такой в Ницце у французского посланника и непременно хотел повторить, не допуская слугу завязать обычный.

К подъезду подали автомобиль. И Василий Сергеевич, недавно прошедший пешком, почитай, полгорода, не стал возражать проехаться пару кварталов в моторе.

Особняк Беклемишевых был весь в огнях, от того зашедшему с уличной прохлады графу поначалу показалось, что в доме очень душно, и он даже хотел сразу выйти в сад, минуя бальную залу, но тут ее дверь отворилась, и на пороге появилось очаровательное создание с каштановыми кудрями, и огромными карими глазами уставилось на графа.

Минутное замешательство, и вот уже в глазах девушки мелькает узнавание, и радость этого узнавания:

– Василий Сергеевич, как неожиданно, – степенно произносит барышня, едва сдерживая плещущую через край радость и, потупив глаза, в которых пляшут озорные чертики, делает глубокий реверанс.

Граф растерянно смотрит на девушку и склоняет голову в поклоне, теряясь в догадках – кто она?

– Tante Pauline будет очень рада, идемте в залу, – тонкие девичьи пальчики осторожно опускаются на рукав его сюртука.

Лакей открывает дверь, и мажордом произносит, перекрикивая общий гур-гур

– Граф Василий Сергеевич Чернышев.

Василий слышит словно общий вздох по зале, смешки, хлопки, оживление. Оркестр начинает вступление к вальсу, и только граф собирается пригласить стоящую рядом девушку, как около нее появляется его собственный брат, этот несносный маленький Митя, и с разлету протягивает девушке руку, одновременно кивая старшему и проговаривая быстрой скороговоркой:

– Гликерия Александровна, это мой вальс, вы обещались.

– Конечно, Дмитрий Сергеевич, je me souviens (я помню (фр.)), – кивает Лика, вкладывает свою ручку в протянутую мужскую ладонь, кивает Василию, словно извиняясь, что уже ангажирована на этот вальс, и идет в центр залы, где строятся пары к танцу.

– Какая красавица Лика выросла, совсем невеста, –

неожиданно около графа появляется его матушка Аполлинария Павловна, с удивлением взирая на то, как ее младший сын Дмитрий кружит в вальсе раскрасневшуюся именинницу, а старший не может отвести взгляд от этой пары.

Глава 4

Гости от Беклемишевых разъехались поздно – за окнами уже серел рассвет, потому что после бала был ужин, а потом устроили совершенно спонтанный музыкальный вечер в узком кругу. Все очень просили именинницу спеть, и Лика, хоть не сразу, но согласилась.

Подойдя в музыкальной гостиной к роялю, она стала перебирать ноты, чтобы спеть что-то любимое. Весь этот вечер и особенно бал был каким-то странным, сердце Лики переполнено было новыми, незнакомыми доселе чувствами, душа трепетала, хотелось одновременно смеяться и плакать. Началось это с приездом графа Василия и продолжалось по сию пору. Танцуя вальс с Дмитрием Сергеевичем, девушка нежданно почувствовала небывалое волнение – рука его, осторожно обнимавшая ее за талию, стала вдруг невероятно горячей, а ее собственная, лежащая на его плече – ужасно холодной. Они не сказали друг другу ни слова, только глаза – у обоих темные и глубокие – словно говорили между собой о чем-то. Лика понимала, что это против правил приличия – то, как смотрел на нее Митя, она внутренне чувствовала это,

но взгляд отвести не могла, только подумала вдруг о том, что это Дмитрий Сергеевич, Митя, которого она знает, почитай, с рождения, наперсник едва ли не всех ее тайн. Митя, которого считала она старшим братом, – и так смотрит. И она сама чувствует необычайное волнение и стеснение в груди. Лике захотелось плакать, но бал еще продолжался, и вальс все звучал, и убежать посреди танца было бы верхом неприличия, потому она сдержалась, но едва музыка закончилась, попросила Митю вывести ее в сад, подышать.

Там она вроде даже успокоилась и решила, что стеснение в груди и биение сердца было вызвано всего лишь духотой бальной залы. Правда, за ужином это состояние вернулось, потому Лика и не хотела петь, боясь, что голос не послушается, но бабушка и графиня Чернышева просили, да и гостей почти никого не осталось – только самые близкие, потому Лика подошла к роялю и стала перебирать ноты.

– Позвольте? – рядом неожиданно остановился Василий Чернышев и взял из рук девушки папки с нотами, – могу подыграть.

– Vous? (Вы (фр.)) – Лика удивленно посмотрела на графа, словно видела его впервые. Впрочем, в некотором роде так и было – будучи старше на шестнадцать лет, Василий Сергеевич никогда не обращал внимания на княжну, разве когда в гостях у Чернышевых Лика с братом и обычным участником их забав Митей сильно шалили и шумели. Тогда граф на правах старшего делал им замечание, больше всего, конеч-

но, собственному брату. Потом он уехал почти на два года и теперь был для Лики совершенно чужим человеком. Она его стеснялась, даже немного боялась, но рядом с ним душа трепетала, и сердце билось сильно, как после быстрого бега.

– Oui, et pourquoi avez-vous demandé? Vous doutez que je le fasse bien? (Да, а почему вы спросили? Сомневаетесь, что справлюсь? (фр.)) – он смотрел на нее сверху вниз и улыбался.

– Да, то есть, нет, что вы, Василий Сергеевич, – Лика запуталась в словах и покраснела. – Je serai heureuse de chanter si vous m'accompagnez (буду рада спеть под ваш аккомпанемент (фр.)) – сказала она тихо, справившись, наконец, с волнением.

– Выбирайте, – улыбнулся граф. Митя наблюдал за этой беседой, стоя у окна и сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Ему казалось, что брат играет с Ликой как кот с мышью, забавляясь ее испугу (он не увидел, а скорее почувствовал, что девушка испугалась), так кот чуть придушивает мышь, а потом отпускает, даруя ей иллюзию свободы. Правила приличия не позволяли ему вмешаться, тем более что никто другой не видел в беседе за роялем ничего дурного. Подойди к ним сейчас Дмитрий, мог возникнуть un scandale, слухи, будет la nuisance (неприятность (фр.)), может пострадать репутация княжны, чего младший Чернышев уж никак не желал. – Может быть «Соловей» барона Дельвига?

– «Соловей»? Нет, что вы, Василий Сергеевич, это лучше

la tantine. Право, у нее очень недурно выходит, выходило… – запнулась Лика, вспомнив, что не слышала пения тетушки ровно столько, сколько не видела и графа Василия. – Вот это лучше, – она поставила ноты на пюпитр рояля, оглядела залу и, поймав устремленный на нее взгляд Мити, неожиданно для самой себя позвала его. – Дмитрий Сергеевич, вы не согласитесь подпеть, я немного не в голосе сегодня. – Она словно спасалась от кого-то, решив спрятаться за Митю, вот только понять бы – не от себя ли самой.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица давно позабытые.
Вспомнишь и лица давно позабытые.[6]

Пели, сливаясь, два голоса – мужской и женский, приятный бархатный баритон Дмитрия оттенял альт Лики, и так слаженно это у них выходило, словно всю жизнь вместе пели. Графиня Чернышева, правда, переглянулась с княги-

[6] **Утро туманное** – Оригинальное заглавие стихотворения – «В дороге», посвящено Полине Виардо (1821–1910), испанской певице, музе Тургенева, и написано в год их встречи. Музыку создали Г.Л. Катуар (1888), Я.Ф. Пригожий (1890-е гг.) А.Ф. Гедике (1903). Но наибольшее распространение получил романс с музыкой, сочиненной Абаза. Правда, непонятно, которым из них. Трое братьев Абаза были офицерами лейб-гвардии гусарского полка, расквартированного в Царском Селе. Некоторые из цыганских романсов подписаны: «Музыка братьев Абаза».

ней Беклемишевой, выражая всем своим обликом некоторое неудовольствие от выбранной вещи – не пристало, по ее разумению, юной барышне петь такие романсы. Но княгиня только улыбнулась, слегка пожав плечами – и было в этой улыбке и разрешение, и любование внучкой, и намек на то, что ничего страшного, в сущности, не происходит – в музыкальной комнате только свои, самые близкие. Конечно, будь то в гостиной перед всеми, она выбрала бы что-то еще более скромное, но ведь Лика поет и любимый романс отца «Не пробуждай», а в нем слова куда как более греховные. Дарья Ильинична многожды пеняла супругу на слишком вольное воспитание внучки, да разве он слушал. «Время иное, матушка, принято так, все поют», вот и весь сказ. Княгиня вздохнула и снова погрузилась в музыку – закончив один романс, Лика с Митей запели следующий.

Лишь только вечер затеплится синий,
Лишь только звезды зажгут небеса,
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса.[7]

Здесь основную партию вел мужской голос, женский лишь

---

[7] **Калитка** – Романс Всеволода Буюкли (1873–1920) на слова Алексея Будищева (1864–1916), 1898 г. Первая публикация романса: 1898 год, отдельной нотной тетрадью. Однако впоследствии это издание затерялось во времени, и долгое время автором романса «Калитка» считался другой композитор – Александр Трофимович Обухов, что не соответствует действительности.

слегка оттенял его, добавляя полутона. Василий играл, не глядя в ноты, романс, хоть и достаточно новый, был ему хорошо знаком. Граф с удивлением смотрел на своего маленького брата и с еще большим – на соседскую девочку, которая вдруг стала такой загадочной красавицей. Василий Сергеевич, в сущности, не знал их обоих – взросление Дмитрия прошло без него: когда Василий был уже офицером, Митя еще даже не покинул детской. И вот теперь, нате вам – взрослый, сложившийся человек, заканчивает корпус, с отличием заканчивает, в отличие от старшего брата, который был все время glandeur, paresseux и débauché (зд. шалопай, лентяй, повеса (фр.)), и голос хорош, и вместе они так хорошо поют, и так гармонично смотрятся. При мысли этой что-то кольнуло в сердце и отозвалось где-то внутри, в том месте, где, по мнению их приходского священника отца Михаила, гнездится душа, легкой грустью. Василий вдруг со всей ясностью осознал, насколько сам он стар и потрепан жизнью, как очерствел и омертвел той самой душой за эти годы. «Уехать, уехать, завтра же уехать в деревню, заделаться помещиком, жениться на какой-нибудь не слишком легкомысленной вдовушке, а в Москве и тем паче в столице боле не показываться. Зачем, право, такому, как он, уставшему от жизни и разочаровавшемуся, портить жизнь молодым? Был бы жив Роман, другое дело…»

Василий Сергеевич был очень привязан к старшему брату, пожалуй, даже слишком, потому так тяжело и больно вос-

принял его гибель. Затем и уехал тогда прочь и во все тяжкие пустился, что хотел забыться и забыть, да только, наверное, сильнее душу себе разбередил, и с отцом едва не поссорился.

Сергей Романович даже разговором не удостоил, лишь поприветствовал сухо и спросил, давно ли сын на Москву пожаловал и надолго ли, но на свой второй вопрос ответа не получил, не мог Василий вот так с кандачка говорить о серьезных вещах.

Отзвучала последняя нота, и Чернышев, легко поднявшись из-за рояля, спросил у Лики, нет ли нот «Лесного царя» Шуберта.

– Извольте, Василий Сергеевич, – девушка подала графу тетрадь. – Только у меня нет переложения Василия Андреевича Жуковского, pari поет оригинальный текст Гете.

– Благодарю, я вполне могу и по-немецки, если не возражаете, Митя, будь любезен, переверни мне страницы, – Василий снова опустился за инструмент и взял первый аккорд.

Ich lieb dich, mich reizt deine schöne Gestalt,
Und bist du nicht willig, so brauch ich Gewalt!
Mein Vater, mein Vater, jetzt faßt er mich an,
Erlkönig hat mir ein Leids getan.

Dem Vater grauset's, er reitet geschwind,
Er hält in den Armen das ächzende Kind,

Erreicht den Hof mit Mühe und Not,
In seinen Armen das Kind war tot.[8]

Пел он превосходно, и удивительно шла его голосу эта трагическая баллада. Последние ноты утонули в бурной овации присутствующих, некоторые особо впечатлительные дамы утирали платочками повлажневшие глаза, и даже старый князь подошел с благодарностью.

– Хороши, Василий Сергеевич, очень хороши, у меня много хуже выходит, честное слово, – Беклемишев улыбнулся молодому графу, пожимая его руку. – По рюмочке? Настойка у княгинюшки отменная.

– Не откажусь, – Василий рад был похвале, хотя пел вовсе не для того чтобы произвести впечатление. Он сам не знал, отчего вдруг захотелось спеть самому, да еще такую грустную вещь, совершенно неподходящую к празднику. Вероятно, этого требовала его душа…

Потом еще кто-то играл на рояле, пели романсы и даже оперные арии, а под конец уговорили спеть старого князя.

---

[8] **Лесной царь** – баллада на слова Гёте. Написана Шубертом в 1815 году. Шуберт, будучи очень требовательным к себе в творчестве, три раза, внося изменения, пересматривал свою балладу и только через пять лет после создания позволил впервые исполнить ее на одном из частных собраний. После этого окончательная версия «Лесного царя» была опубликована лишь в 1821 году и в тот же год в знаменитом венском театре «Кернтнертор» состоялась публичная премьера произведения.

Дмитрий Сергеевич долго отнекивался, что не в голосе, но отказать любимой внучке не смог.

Лика сама села за инструмент, князь выбрал «На воздушном океане», она взяла первую ноту, и Дмитрий Сергеевич запел.

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.[9]

Все слушали, затаив дыхание, столь хорош был исполнитель, а потом долго не отпускали старого князя, но петь на бис Беклемишев отказался, и тогда все вдруг засобирались по домам, словно спев «сны золотые навевать», Дмитрий Сергеевич подал знак, что празднование окончено.

Лике не спалось. Она долго ворочалась в постели – то скидывая простынь, потому что душно и жарко, то укрываясь с

---

[9] **На воздушном океане** – Ария Демона из одноименной оперы Рубинштейна. Демон – опера Антона Рубинштейна в трех действиях, семи картинах, на либретто Павла Висковатова, по одноименной поэме М.Ю. Лермонтова. Премьера состоялась в Петербурге, 13 (25) января 1875 года, в Мариинском театре.

головой, поскольку вдруг начинала зябнуть. Встав с кровати, укуталась в бабушкину шаль и, босиком пройдя к окну, растворила створку, впустив в комнату легкий утренний ветер. Пахло, как и накануне, мятой и жасмином. Солнце, показавшееся за колокольней Никольского храма, было ярко-алым. Оно медленно поднималась на небосвод, окрашивая все вокруг в розовый, отражаясь в лужах и пуская в вымытые стекла солнечных зайчиков.

Вот прошел, шаркая метлой, старый дворник, проехал с тележкой, источающей аромат свежей выпечки, булочник, кто-то постучал с черного хода, вероятно молочница принесла творог и сливки или пришел зеленщик. Москва просыпалась, а Лика все никак не могла улечься, и дело даже было не в духоте – она не могла успокоить душу и сердце, взбудораженное воображение все рисовало картинки прошедшего бала, девушка снова чувствовала взгляд Мити и его руку на талии, вспоминала разговор с Василием и то, как они пели. В голове крутилась уйма вопросов, ответов на которые она не находила. Вздохнув, Лика вернулась все-таки в кровать и через некоторое время уснула.

Не спалось в эту ночь и княжне Вере Беклемишевой. После обеда, когда мужчины ушли курить, tante Pauline увела Верочку прогуляться по саду.

– Qu'est-il arrivé, ma chère, de quoi voulais-tu me parler? (что случилось, дорогая, о чем ты хотела со мной поговорить?

(фр.)) – Аполлинария Павловна увлекла княжну в беседку, где они были у всех на виду, что позволяло заметить любого, кто решил бы к ним подойти, и давало возможность вовремя прервать разговор или сменить тему.

– Я постриг хочу принять, – выпалила Вера и замолчала, опустив глаза.

– И что ж ты хочешь, чтобы я с князем поговорила? – графиня перешла на русский, настолько ее удивило и взволновало сказанное.

– Да, тетушка, меня он слушать не пожелал, – Вера говорила тихо, скрывая слезы, которые подступили к глазам, едва она вспомнила утренний разговор с рара.

– И с чего вдруг, скажи на милость? Княгиня Бэтси постаралась? Она-то, понятное дело, вдова, но ты-то зачем решила хоронить себя в монастырских стенах? – в голосе Аполлинарии Павловны прозвучала досада.

– Ой, тетушка, не знаю, право, утром, когда с батюшкой беседовала, так все ясно и просто было, и правильно, а сейчас уже и не знаю. Тем более, папенька гневается. Обещал даже приход сменить, – Вера сцепила пальцы в замок и, подняв голову, взглянула на графиню. – Неуютно мне тут, немило все, душа томится, ни развлечений не хочу, ни балов, ни театров. И читать ничего не могу, кроме духовного. Давеча графа Толстого сочинение пыталась читать. «Анна Каренина». И не смогла, глупым показалось, что все счастливые семьи похожи, неправда это, – начала Вера, но графиня тут же

перебила ее.

– У Льва Николаевича есть гораздо более интересные произведения, да и я бы на твоем месте Лескова почитала, а то и вовсе Пушкина. «Повести Белкина», к примеру, чудо как хороши. А по вопросу твоему ты послушай меня, chérie, послушай и подумай. Ты в монастырь-то от несчастной любви собралась, да оттого, что плохо тебе в миру, не привлекает ничего, все опостылело. Так?

Верочка кивнула.

– А в монастырь, дорогая моя, не за тем идут, – продолжила Аполлинария Павловна. – Отнюдь не за тем. К Богу туда идут, понимаешь? Его одного любя. Девочка моя, молодая ты еще, да глупенькая, сердечко твое не успокоится в обители, коль ты Бога более всего на свете не полюбишь. Вот почувствуешь, что никто тебе, кроме Господа не нужен, и ничто, кроме молитвы, душу не греет, тогда и о монастырской жизни можно подумать. В черницы идут не потому, что тут плохо, а затем, что там – хорошо. И только там, с Ним, – графиня замолчала и вздохнула. – Подумай, девонька. По осени тебе тридцать три исполнится, вот тогда и вернемся к этому разговору.

– Отчего так, tantine? – Верочка едва не плакала.

– Оттого, милая, что сама ты еще ни в чем не уверена. Вот и мечется сердечко, и душа тоскует. После Троицы в имение уедете, отдохнешь, успокоишься. Может, там твое место, а не за монастырскими стенами. Пойдем, голубушка, гости уж

к балу съезжаются. – Аполлинария Павловна встала и пошла к выходу из беседки. – Я к княгине Dolly пойду, а ты к себе ступай, успокойся, да лицо холодной водой ополосни.

И вот теперь, сидя у себя в спальне на широкой кровати, княжна Вера обдумывала слова графини, пытаясь разобраться в своих чувствах, мыслях и желаниях.

Заснула она, когда солнце уже встало, но поспать так и не удалось ни Вере, ни Лике – старый граф приказал немедля собираться и ехать в имение, в Аристово.

Глава 5

У Чернышевых тоже не спали. Разве что Василий забылся под утро тяжелым сном, упав на кровать, не раздеваясь. Был он смертельно пьян – шутка ли, два графина бренди уговорил. К тому же и день сумасшедший – с поезда на бал, да переживаний сколько. Оттого и пил. Сергей Романович говорить с сыном по возвращении из гостей не пожелал, отложил до утра, а графу не терпелось выплеснуться. Слуге по уху заехал, сам потом не помнил за что, но поутру увидев «фонарь» под глазом Семена, дал ему двугривенный на поправку здоровья. Девку, спешившую куда-то из людской, прижал было в коридоре, но тут же и отпустил – шарахнув кулаком по стене так, что горничная испуганно ойкнула и унеслась быстрее ветра. Хотел было в клуб собраться, да, посмотрев

на время, махнул рукой, спросил бренди и устроился в кресле у себя в комнате. Где-то примерно через час потребовал второй графин и, вероятно, послал бы за третьим, кабы сон не сморил.

Не спал и Митя. Привезя родителей и брата от Беклемишевых, он в дом не пошел, а решил прогуляться по бульварам. Над Москвой-рекой вставало рассветное солнце, золотя купол Ивана Великого и Кремлевских соборов, и в душе у Дмитрия Сергеевича словно тоже золотой шар искрился. Хотя скорее не золотой – хрустальный, который разбить боялся неверным словом или мыслью. Давеча на балу и особенно после, в музыкальной комнате, уверился он окончательно в том, что дороже Гликерии Александровны никого в целом свете нет. «Да вот только что с этим делать? Как сама она к нему относится? Ответит ли взаимностью, или Василий ее сердце пленил? О чем они там говорили, когда ноты доставали? И не спросишь, и не узнаешь, разве что сама обмолвится невзначай, – граф облокотился о чугунные перила моста и посмотрел на искрящуюся в лучах солнца водную гладь. – Вот и она такая – искрящаяся, светлая, радостная», – подумалось ненароком, и родилась в голове юнкера мысль, может, не самая лучшая и продиктованная не только любовью, но и эгоизмом – просить у старого князя руки его внучки. Услышав от отца, что Беклемишев повезет Лику в Петербург на Сезон, Митя испугался, но не сильно – впере-

ди было почти все лето в имении по соседству, прогулки на лошадях и пешком, катание на лодках, охота, танцы – обычные летние развлечения, во время которых он бы находился рядом с Гликерией Александровной почти неотлучно, и уж точно сумел склонить чашу весов на свою сторону, и тогда никакая столица не страшна. Да вот только нонче Василий приехал, и все планы смешал.

Нет, Дмитрий Сергеевич был очень рад возвращению старшего брата, к которому всегда относился с благоговением, чью похвалу в детстве хотел заслужить даже более отцовской – старшие братья были для маленького Мити сродни богам Олимпа из древней истории. Как радостно билось его маленькое сердечко, когда Роман или Василий снисходили до него, одаривая вниманием, конфетами или … затрещиной. Их мир был миром взрослых – запретным и сладким, к которому ему очень хотелось приобщиться. Петя же, будучи всего тремя годами старше Мити, старшим братом никоим образом не котировался, к тому же он больше времени проводил с Феей, и нянюшка говаривала бывало, что близнецы как две стороны одной медали – всегда вместе.

Митя очень тяжело переживал гибель Романа и отъезд Василия, посчитав себя преданным. Он тогда не мог никому объяснить этого чувства, но почему-то решил, что старшие братья предали и бросили именно его – Митю. Конечно, он был уже не юным мальчиком, но как раз тогда начал входить

в возраст и в мужские компании старших братьев, и вот надо же – такая роковая случайность. Вспомнив о том январском утре, когда, подъезжая к дому, они с Василием увидели мчащегося к воротам коня Романа – Приама. Черный как вороново крыло жеребец был весь в мыле, поводья волочились по снегу, позади вставало алое рассветное солнце, окрашивая снег и все вокруг в этот ало-розовый цвет. «Словно кровь», – мелькнула мысль, сердце сжало от недоброго предчувствия, и Митя, выскочив из саней, рванулся коню наперерез. Схватив за узду, с трудом осадил жеребца, который стремился вывернуться, прядал ушами и ржал, будто пытаясь сказать что-то. Приама успокоили и увели на конюшню, а вскоре подъехали сани. Чужие розвальни, в которых было что-то, накрытое рогожей. Пристав остался около саней во дворе, а полицейский чин, спешившись, прошел к отцу…

Дальнейшее Митя помнил довольно смутно, в тот момент все его чувства словно выключили. Он будто окаменел или заледенел внутренне, потому, наверное, и смог тогда собраться и вынести все это на своих плечах – отец слег с сердечным приступом, маменька с близнецами были в отъезде и едва успели к похоронам, а Василий запил. Он даже на похоронах Романа был сильно нетрезв. Правда, в тот вечер и Митя позволил себе нализаться «до положения риз», но это было потом, а до самого момента отпевания он стойко держался – отдавал распоряжения, ездил к батюшке, искал свидетелей, чтобы доказать, что Роман не наложил на себя

руки, писал прошение, уговаривал, упрашивал, давал взятки, распоряжался в доме – устраивал поминальный стол и все остальное. Старый князь по-соседски принял участие и очень помог тогда, а потом Митя с головой окунулся в учебу. Он даже брата не проводил и не попрощался с ним, не приняв отъезд Василия, считая это трусостью и бегством.

И писем Дмитрий Сергеевич брату не писал, и когда маменька заводила разговор о старшем сыне, делал вид, что его это совершенно не интересует. Прошел год, боль слегка притупилась, а сегодня, увидев Василия Сергеевича в бальной зале Беклемишевых, Митя понял, как ему не хватало старшего брата, и до чего он по нему соскучился. Вот только Лику он ему уступать никак не хотел, а потому, вернувшись с прогулки, переоделся и прошел в отцовский кабинет, наказав Тихону, как только Сергей Романович проснется, просить его прийти для разговора.

– Не спится, Митя? – граф не заставил себя ждать.

– Хотел поговорить с вами, отец, – юнкер вскочил со стула, на котором сидел, и одернул мундир.

– Слушаю, – граф опустился в кресло, жестом предложив сыну присесть напротив.

– Не знаю, право, может оно и неуместно, – вся решимость Мити вдруг куда-то испарилась, – только… – молодой граф налил в стакан воды и жадно выпил ее большими глотками, не заботясь о том, что струйки текут по подбородку за ворот

мундира. – Отец, я хотел, – Митя резко поставил стакан на столик и расстегнул верхнюю пуговицу, словно ему не хватало воздуху. – Я хотел сегодня же просить князя Дмитрия Сергеевича… – он вздохнул и замолчал, увидев поднятую руку отца.

– Не отдаст князь Беклемишев за тебя Гликерию Александровну. Помяни мое слово, не отдаст. Но коль скоро ты решил, я возражать не стану. Знаю Лику с детства и люблю ее, и лучшей жены тебе не желаю, да вот только у князя другие планы. Дай Бог, чтобы я ошибался, – вздохнул граф, видя, как переменился в лице его младший сын, – дай Бог.

Увы, предположениям Сергея Романовича суждено было сбыться.

Князь Беклемишев радушно принял Митю, но едва тот начал излагать свою просьбу, резко остановил его, отрицательно покачав головой.

– Вы еще слишком юны, молодой человек, слишком юны и неопытны. Курс сперва надобно закончить, да не только в училище, но и в Академии, а потом и о женитьбе думать. Куда вы намерены привести молодую жену, на что содержать ее? Это еще хорошо, коль в Академию поступите, а не выдержите испытаний – в гарнизон? И жену молодую, с собой в гарнизон, где вы – младший офицер. Куда как замечательная перспектива! – князь говорил резко, с упреком глядя на Митю, словно тот обманул его ожидания и повел себя непра-

вильно.

– Я не… – начал юнкер, но был остановлен поднятой рукой князя. «Как они с отцом похожи», – промелькнула невольная мысль.

– Ayez honte, jeune homme (стыдитесь, молодой человек (фр.) – старый князь укоризненно покачал головой, – стыдитесь. Et comment osez-vous m'adresser une demande pareille? (да как вы вообще осмелились прийти ко мне с этакой просьбой (фр.)) Что граф подумает? – Беклемишев отошел к столику, налил себе немного коньяку в лафитник и выпил. – Вы отца-то спросить изволили, молодой человек?

– Папенька не возражал, – Митя поднял голову, слегка пошевелив шеей, словно ему снова нечем было дышать, и он хотел ослабить застежку ворота. Почему он назвал отца папенькой, так по-детски, как уже давно сам к нему не обращался, молодой граф сказать не мог, но это слово вызвало неожиданный смех князя.

– Папенька, – раскатисто рассмеялся Беклемишев, – вы посмотрите на него – папенька! Ступайте домой, молодой человек, желаю вам с отличием окончить курс, а разговора этого прошу впредь не поднимать и Гликерии Александровне никаких авансов не делать, и писать ей я вам категорически не советую. Au revoir, – князь позвонил в колокольчик и кивнул появившемуся на пороге лакею, – проводи господина юнкера и до моего особого разрешения вход в этот дом ему заказан. Ступайте, Дмитрий Сергеевич, с Богом.

Развернувшись через левое плечо, Митя щелкнул каблуками и вышел в открытую слугой дверь. Он делал все машинально, по инерции – спустился с крыльца, дошел до дома и, только оказавшись в своей комнате, распечатал непослушными пальцами пачку папирос и закурил, тут же натужно закашлявшись. Потушив папиросу, упал на кровать и так и лежал, глядя в потолок, ничего не замечая вокруг и ни на кого не обращая внимания…

Проводив взглядом уходившего Митю, Дмитрий Сергеевич Беклемишев вздохнул, налил себе еще коньяку и, тяжело опустившись в кресло, раскурил сигару. «Мальчишка, как есть мальчишк*а*, – бились в голове гневные мысли, – да как он посмел! Юнкер-недоучка! Сосунок!», – старый князь был очень сердит. И не то чтобы он не любил молодого графа. Скорее наоборот, Дмитрий Сергеевич считал именно своего тезку наиболее prometteur (подающий надежды (фр.)), справным из всего младшего поколения Чернышевых. Мальчик имел все шансы далеко пойти, но сейчас он не представлял собой ровным счетом ничего и не мог предложить будущей жене ни положения в обществе, ни денег. «Молод, горяч, горд», – князь сам был таким, когда увез свою дорогую Dolly, попросту выкрав ее из отчего дома. И увез не куда-нибудь, а в Варшаву, к месту своей службы. Обвенчавшись с разрешения Великого князя Константина Николаевича,[10] который

---

[10] **Великий Князь Константин Николаевич** – сын Николая I, брат Алек-

был на свадьбе посаженным отцом, князь Беклемишев надеялся на долгую и счастливую жизнь с молодой женой и скорое примирение с ее родственниками. Только события, развернувшиеся в Варшаве в 1862 году,[11] о которых князь не любил вспоминать, стоили ему самому преждевременных седин, а его дорогой Дашеньке потери первенца и тяжелой нервной болезни. «Конечно, сейчас такого не случится, да и Лика…», – подумал Дмитрий Сергеевич, но услужливое воображение тут же нарисовало ему картинку минувшего вечера, когда молодые люди так слаженно пели дуэтом. «И ведь сама его позвала! *"Дмитрий Сергеевич, я сегодня не в голосе",* так что, поди, и она к нему неравнодушна. Нет. Не бывать тому. Разлучить, разлучить как можно быстрее – с глаз долой, из сердца вон. А там в Петербург поедет, среди знати настоящей повращается, глядишь, и вовсе об нем думать забудет. Ну, а коли нет, да и юнец себя к тому времени проявит…», – Беклемишев залпом выпил коньяк и налил еще. – «Эх, молодо-зелено!» – в старом князе словно боролись два челове-

---

сандра IIНаместник Царства Польского с 27 мая 1862 года до 19 октября 1863 года

[11] Речь идет **о Варшавском восстании 1863 года**, а так же покушении на Великого Князя Константина Николаевича 21 июня 1862 года, когда тот выходил из театра. Князь был легко ранен.Я предполагаю, что князь Беклемишев с супругой были при этом, и потом в силу обстоятельств и начавшегося восстания Дарья Ильинична не смогла уехать из Варшавы, а князь находился на службе. В итоге они оказались в самой гуще событий, и в результате нервного потрясения княгиня потеряла первенца и долгое время находилась в горячке, и теперь у нее случаются нервные припадки.

ка: один, который благоволил к юнкеру, потому что «сам такой был когда-то» и другой, с высоты нынешнего возраста и опыта оберегавший внучку от сильных потрясений, которые достались на долю ее бабушки, его chère Dolly, и Дмитрий Сергеевич никак не мог решить – что предпочесть. На данный момент все было ясно – увезти Лику в имение, немедля, не дожидаясь Троицы, увезти в Аристово, подальше от этого юнца и всех Чернышевых (поведение Василия Сергеевича не осталось незамеченным), а вот дальше что делать? Сложный выбор князю не давался, потому решил он по старинке, что будет день, будет и пища, с тем и вышел из кабинета, кликнув Петьку, чтобы убрал там все незамедлительно и проветрил. Княгиня не любила запаху табака.

Далее надобно было собираться. Тревожить Дарьюшку, как любил князь называть про себя жену, он не стал, а позвав дворецкого, приказал укладывать вещи, накрывать завтрак и сообщить барышням, чтобы собирались немедленно – выехать надобно еще засветло.

Глава 6

– Что, братец, худо тебе? – в комнате Мити неожиданно возник старший брат. Ворот рубахи расстегнут, на ногах туфли домашние с загнутыми носами, в руке – стакан какой-то мутной жидкости, судя по запаху – рассолу. – На вот, опохмелись, легче будет. – Василий подошел к лежащему на

кровати Мите и, наклонившись ниже и чуть расплескав содержимое стакана, втянул носом воздух. – Эээ, да ты не пьян, Дмитрий Сергеич, а что тогда Семен стенает, что барчуку плохо?

– Плохо. Хуже, наверное, и быть не может, Вася, да только выпивка твоя мне не поможет, – Митя сел на кровати, свесив ноги на пол. – Раствори окно, душно, и перегаром от тебя, хоть закусывай. – Ему вдруг стало так легко со старшим братом, как раньше, в той еще жизни, когда старшие опекали его, младшего, вводя, как они говорили, в общество. На самом деле чуть не каждую увольнительную юнкер ездил со старшими то в карты играть, то на балы, а то и в заведение. Именно Василий впервые привез его к Мадам, и даже сейчас, по прошествии времени вспоминая тот визит, Митя почувствовал, как отчаянно краснеет. Стыдно и неловко ему тогда было от взглядов и насмешек, и от собственной глупой гордости, когда домой поутру ехали.

– Отказала? – неожиданно спросил Василий, усевшись в кресле у окна и закурив сигару, которую достал из кармана халата.

– Старый князь отказал. Как мальчишку меня отчитал и выставил, на порог велел не пускать и писем не писать, – Митя встал с кровати и заходил по комнате.

– Не мельтеши, Митрий, голова кружится, – старшему из братьев было явно плохо. – Правильно князь Дмитрий Сергеевич сказал, мальчишка ты и есть. Курса не окончил да-

же в училище, а еще Академия, – начал Василий наставлять младшего, но тот перебил:

– Не пойду в Академию, испытания выдержу и на флот в гардемарины. Я уже узнавал, год учиться буду в Морском корпусе, а потом на мичмана экзамен держать и во флот. А там – в Николаевскую морскую Академию, – чувствовалось, что юнкер давно уже для себя все решил и распланировал, только случая не было рассказать.

– Ох, как у тебя оно все уже выверено, – не удержался Василий от реплики, – а батюшка знает?

– Нет еще, – потупился Митя, – думал, испытания выдержу, тогда и расскажу, да все оно вишь как вышло, нелепо.

– Да уж, заварил ты кашу, и что теперь делать станешь? – старший в упор посмотрел на младшего и вдруг тихо произнес, – извини. Глупо я вел себя вчера. Просто так стосковался по родным на чужбине, и ей как родной сестренке обрадовался. Она же еще меньше тебя. Уезжал, малышкой была, или я ее помнил такой, теперь уж и не знаю, времени-то не так много прошло. Когда на балу вчера увидел и не узнал по первости, а она – обрадовалась, ну и я – ответно. Что смутил ее, потом уже понял, у рояля, а когда пели вы, так скверно себя почувствовал… Потому и напился. Прости дурака старого, не соперник я тебе, – руку протянул, ожидая. И Митя тут же ее крепко пожал.

– Пустое, брат, хотя прав ты, ревность меня утром к князю толкнула. Испугался, что дорогу ты мне перейдешь. Про-

сти и ты меня, что подумал дурно. Сердит я был на тебя и обижен, что уехал тогда, – еле выговорил юнкер и отвернулся от брата.

Некоторое время в комнате стояла тишина, потом скрипнула кресло, раздались шаркающие шаги – Василий подошел к Мите и обнял его за плечи.

– Я сам тогда себя не помнил. Обижен был страшно. Представляешь, я на Романа обиделся, что он ушел. Ушел, а меня с собой не взял. Я здоровый, взрослый, офицер, не знал, как жить дальше. Без него. Понимаешь ли, Митя, ближе него у меня никого нет. Как рука правая – отруби руку, и как жить дальше? Нет, можно, но уже полноценным себя не чувствуешь. А еще я все понять не мог, куда оно после смерти уходит – то, что Романа составляло – смех его, улыбка, голос. Знал только, что не услышу и не увижу никогда больше. Скверно мне тогда было, вот и сбежал. Труса праздновал, чего уж теперь. А вот вернулся нынче и не лучше – отец говорить не желает, тебя с панталыку сбил. Эээх. – Василий глубоко вздохнул и крепче сжал плечи брата. – Что теперь после драки… Пойду я. Ванну приму, да с отцом мириться, негоже так-то. – Он сделал два шага к двери, а потом повернулся и сказал, – иди к батюшке. Про сватовство расскажи, да про решение твое, а то после разговора со мной, глядишь, и тебе достанется.

После ухода старшего брата Митя еще некоторое время

ходил по комнате, думая, как поступить, потом кликнул Семена, велел дать рубаху переменить и мундир почистить, оделся и отправился к отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.